

ПЕВУЧАЯ ДУША

В гостях у Леонида Утесова

БАБЕЛЬ писал о нем: «Сценическое создание Утесова — великолепный этот, заряженный электричеством парень, опьяненный жизнью, — всегда готовый к движению сердца и бурной борьбе со злом — может стать образцом, народным спутником, радующим людей».

Написано это давно, когда вышли на экран «Веселые ребята». Но разве за прошедшие десятилетия Леонид Утесов стал другим? Он и сейчас опьянен жизнью, не собирается сдаваться, хотя не за горами 75-летие и можно бы уйти на покой. А он полон бодрости и той же воинствующей готовности бороться со злом и радовать людей.

— Вы обещали мне важное интервью.

— По старому знакомству сообщая самые секретные сведения вам первому: скоро состоится юбилей нашего оркестра. Женский день оказался счастливым для нас. Почему женский? 8 марта 1929 года мы дали первый концерт. И вот пробежали уже сорок лет! Кто бы мог подумать!

Готовим юбилейную программу в двух отделениях. Название? «Необыкновенный фестиваль». В чем ее особенность? Возвращаемся к давней моей идее: театрализованное представление, артисты оркестра выступают и как актеры — исполнители ролей. Больше не скажу ни слова. И так рассказал много...

Еще раз вспомнил писателя, который писал о народности искусства Леонида Утесова и «заразительности его певучей души».

Он так давно и прочно завоевал популярность, так давно стал любимцем зрителей и слушателей, что рассказывать о его творчестве так же неуместно, как «открывать» читателю красоты Черного моря, на берегу которого родился, рос и приобрел известность ныне народный артист СССР Леонид Осипович Утесов. Много лет прошло с тех пор, как покинул он родной город, изъездил всю страну, десятилетия живет в Москве, а нет-нет, да и подкатит к горлу комок, когда речь пойдет об Одессе. Давний москвич, влюбленный в столицу, а во сне он видит Треугольный переулок и Дегтярную улицу, где прошли детство и юность.

Года три назад, приехав погостить в Одессу, я увидел на Дерибасовской большой полотняный плакат, извещающий о гастролях Государственного оркестра под управлением Леонида Утесова. У

плаката стоял дремучего вида старик с бородой патриарха. Подняв букет прекрасных роз, которыми он торговал, старик возглашал, тыча пальцем в объявление: «Кому цветы для нашего дорогого Лени, даю со скидкой».

Леонид Осипович показывает груды папок с письмами. Чего здесь нет — и изъяснения в любви и дружбе, стихи и ноты самодельных авторов, предлагающих безвозмездно свои сочинения для включения в репертуар артиста, наивные просьбы научить стать музыкантом, певцом, дирижером. Любопытно, что подавляющее большинство писем адресовано предельно кратко: «Москва, Леониду Утесову». Кто же может усомниться, что почтальон его найдет!

Из отдельной папки мой собеседник извлекает конверт особенно бережно.

— Прочтите это... Пожалуй, я прочитаю сам, оно мне очень дорого. Слушайте!

Я услышал, не сумев сдержать волнения. Написанное на нескольких листах большого формата, письмо прозвучало как удивительная по силе своей новелла. Возможно, оно произвело такое впечатление потому, что читал его сам Утесов. Он читал строго, вполголоса, с присущей ему искренностью и той доверительной интонацией, которая не может не покоришь.

Фабулу эту можно изложить коротко... Группа изыскателей заблудилась в зимней тайге. Сбитые с тропы отчаянной пургой, промерзшие и изможденные, они считали себя обреченными. Лечь нельзя — смертельно. Ноги не идут. И один из них в дикой и крошечной тьме, держась за плечо товарища, неожиданно запел: «И тот, кто с песней по жизни шагает...». Стуча зубами, топчась на месте, остальные подхватили песню... Пели, чтобы согреться. Пели, чтобы не умереть... И их услышали. Спасители пошли на голоса. Помощь подоспела, когда они уже теряли сознание. Спасла песня Дунаевского, впервые спетая Утесовым...

«Так вот, дорогой товарищ Утесов, вы должны знать, что тогда вы спасли пять жизней», — заканчивается письмо. Автор сообщает, что сейчас, когда прошло 30 лет, он пишет потому, что видел Утесова на экране телевизора.

Глаза у Леонида Осиповича наполнились влагой.

— Сейчас бы хорошо закурить, — мечтательно сказал он. — Да ведь я бросил...

И. АДОВ.